

и умопомрачения находится в психиатрической лечебнице, снится сон, будто он присутствует в положении зрителя-заключенного в некоем зале на театральном «сеансе», когда на сцену поочередно вызывают лиц, подозреваемых в утаивании валюты и ценностей, и добиваются от них признания. В какой-то момент для увещевания присутствующих на сцену выпускают красноречивого священника. Есть основания полагать, что образ святого отца списан с Александра Ивановича Введенского. В начале 20-х годов он был одним из создателей обновленческой церкви и рьяно боролся против патриарха Тихона, ратовал за безоговорочную конфискацию ценного церковного имущества, что нашло выражение и в его брошюрах «Церковь Патриарха Тихона» (1923) и «Церковь и государство» (1923). В последней целая глава так и называется «Изыятие церковных ценностей». Введенский вместе с Луначарским был широко известен также шумными публичными диспутами, во время которых они полемизировали друг с другом на темы религии. Леонид Леонов, вспоминая те годы в романе «Пирамида», свидетельствует, что это был «общеизвестный альянс покойного наркома Луначарского и тогдашнего живоцерковного митрополита Введенского, которые, как утверждает столичная молва, сразу после своих публичных богословских диспутов в Политехнической аудитории чуть ли не в обнимку и на извозчике устремлялись в ресторацию для продолжения беседы уже в уютной обстановке с умеренным винопитием» [2, с. 139]. Кстати говоря, связь образа велеречивого проповедника с Введенским отчасти подтверждается и тем обстоятельством, что в той же главе есть скрытая пародия и на Луначарского, выведенного под именем Дунчиля (см. [3]). Все это, однако, косвенные доводы. Между тем существуют и более непосредственные авторские намеки. Введенский, естественно, изображен Булгаковым под вымышленным именем (отец Аркадий Элладов), но в тексте сделаны подсказки в виде созвучий с подлинной его фамилией: в авторской речи местами слышатся не только отдельные звуки этой фамилии («в...д...ен...», «вве...»), но и корневой слог «вед»: «И тут с необыкновенной ясностью стал грезиться Босому на сцене очень внушительный священник. Показалось, что на священнике прекрасная фиолетовая ряса-муар, наперсный крест на груди, волосы аккуратно смазаны и расчесаны, глаза острые, деловые и немного бегают (...)»

Рыжий со сна хриплым голосом сказал:

— Э, да это Элладов! Он, он. Отец Аркадий. Поп умница, в преферанс играет первоклассно и лют проповЕДИ говорить. Против него трудНО устыбять. Он как таран.

Отец Аркадий Элладов тем временем ВДохновЕНно глянул ВВЕРх, левой рукой поправил волосы, а правой крест и даже, как показалось Босому, похуДЕВ от ВДохновЕНия, произНеС КрасИвым голосом:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Православные христиане! Сдавайте валюту!

Босому показалось, что он ослышался, он затаил дыхание, ожидая, что какая-то сила явится и тут же на месте разразит умницу попа ко всем чертям. Но никакая сила не явилась, и отец Аркадий поВЕЛ с исключительным искусством проповЕДЬ [4, с. 317].

Как мы видим, в тексте словно рассыпаны осколки фамилии Введенского. Не менее примечательны имя и фамилия отца Аркадия Элладова. В них слышатся слова «АД», «АДОВ» — вот откуда и взялась экзотическая фамилия. Затем пародийно-иронический рисунок образа получает дальнейшее развитие и обогащается новыми штрихами, опять-таки корреспондирующими с реальной личностью Введенского:

«Рыжий не соврал, отец Аркадий был мастером своего дела. Первым же делом он напомнил о том, что Божие Богу, но кесарево, что бы ни было, принадлежит кесарю.

Возражать против этого не приходилось. Но тут же, сделав искусную фиоритуру